

Радов Егор

1.3.02

Мир есть мое развлечение

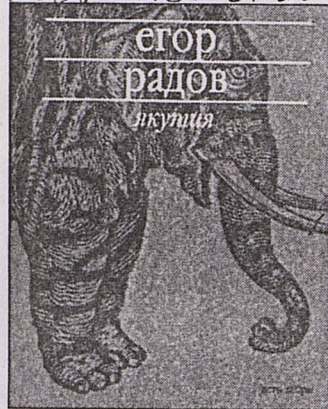
Егор Радов, «Якутия»,
М.: «Зебра Е»

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Настоящая литература всегда загадочна. Есть какая-то тайна в прозе Егора Радова. Он всегда кого-нибудь пародирует, но чаще всего самого себя. Вообще-то перед нами пародия на вычурный стиль Ницше и ницшеанцев, но очень близкая и родная: «О, мое солнце, река и небо! Когда я люблю тебя, то горы перестают сиять и просторы перестают цвести. Когда я с тобой, то реки выходят сами из себя и планеты перестают вращаться вокруг оси».

Якутия для Радова — наиболее полный образ России. Множество придуманных слов типа «заелдыз» придают роману о холодной Якутии особую теплоту. «Пришло якутское время, и древняя тайна открывает свое лицо». Черты реальной Якутии и Якутска в романе, конечно же, есть. Но это все обман, речь идет о чем-то своем, личном и сокровенном. «Хочу быть юкагиром», — восклицает Радов. Юкагир, мчащийся по ледяной бесконечности в собачьей упряжке, — это он, писатель, а мо-

Новые Известия - 2002 - 1 марта - с. 10

жет, даже поэт. Ведь и Пушкин в своем «Памятнике» вспомнил почему-то тунгуса «и ныне дикого».

Тунгус у Пушкина есть некая крайняя точка отсчета до начала цивилизации. Такой точкой для Радова стала его литературная Якутия: «Он встал напротив, раскрыл глаза и увидел прозрачную луну, которая лежала на блюде, как отрубленная голова или срезанная дыня». Тут все намного сложнее, чем, скажем, у того же Пелевина. Там точка отсчета — Чапай, которого все смотрели или даже читали. Здесь вроде тоже все знакомо до боли, но как-то уж

очень неожиданно: «Софрон резко допил жиздру и налил себе чучу». Ну кто же не знает Жиздру? Сообщение ТАСС: «Наши войска в районе Жиздры...». А вот что такое чуча? И почему жиздру (в данном случае с маленькой буквы) пьют, как самогон, да еще записывают какой-то чучей. Однако через несколько строк Софрон выпьет чучу и запьет ее жиздрой. Иногда вспоминается еще и проза Платонова с его революционерами, охваченными пламенной мечтой: «Однажды он шел через мост и желал свободы своему народу, который был присоединен перешейком к полюсу».

Радов, пожалуй, единственный в России прозаик-философ. Он философствует не мыслями, а самой речью: «Тот, кто существует второй раз внутри описываемого момента нынешнего мира, имеет имя, состоящее из звуков, и его имя звучит «Жукаукас», и оно похоже на все». Главный герой романа Софрон Жукаукас в финале повествования узнает о себе страшную ницшеанскую тайну: он и есть Верховная Личность Бога. Узнав эту тайну, «он тут же превратился в жужулицу». Чем-то он похож на Унгерна и Чапая Пелевина, но «Якутия» была написана и даже издана однажды задолго до «Чапаева и Пустоты». То издание

как-то затерялось в вихре перестройки, будем надеяться, что это не затеряется. Тут дело не в сюжете, конечно, достаточно банальном и давно отработанном, а в языке: «Вездеход и вездеход, рыча и рыча, подъехал и подъехал к белому и белому, чуму и чуму». Хорошо сказано! «Это двойный стиль!» — крикнул человек, стоящий возле белого чума». Одним словом, автор прав: «Мир есть мое развлечение». Радов играет во все. В данном случае он поиграл в Якутию, ледяную страну поэзии. География и политика тут почти ни при чем. Радов играет во что-то страшное, ледяное и бесконечное, как Якутия и Россия. Все разговоры в романе проваливаются в эти бездны. Однажды герой достигает 23-го дна. Не буду описывать остальные 22 слоя. Один из них оказался влажной женской подмышкой.

Литература это еще и способ освобождения от языка. Лингвистическая философия давно открыла, что язык диктует нам все. Мы становимся рабами собственной речи на сознательном и подсознательном уровнях. Проза Радова — путь к лингвистической свободе, еще никем не провозглашенной и не обозначенной в конституциях и декларациях самых свободных обществ и государств.